

ПЕТЕРБУРГСКАЯ ТЕМА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ А.Н. ЯХОНТОВА

Петербургская тема в сочинениях Александра Николаевича Яхонтова, "поэта второстепенного", как определен он в статье Русского биографического словаря [1, с. 205], отличается синкретизмом, который отчасти обусловлен особенностью поэзии, изначально ориентированной на "готовое", "чужое" слово, отчасти образом Петербурга, который, по выражению Герцена, "на все похож" и "нравов своих не имеет". Во всяком случае, для Яхонтова, родившегося в Петербурге в 1820 году, этот город действительно стал "воплощением общего, отвлеченного понятия столичного города" [2, с. 11], как писал о нем Герцен именно в то время, когда Яхонтов служил в Петербурге (с 1838 по 1851 год).

На Яхонтова, по общему признанию, прекрасного переводчика, одобренного в разное время Белинским [3, с. 214] и Чернышевским [4, с. 4], Петербург действовал не отдельной своей стороной, а всем многообразием культурных и бытовых проекций, именно как тема, как не имеющий начала и конца сквозной сюжет. В нем – и Петербург как место рождения, и как "вторая родина", отмеченная пребыванием в Царскосельском лицее (с 1832 по 1838 год), где его коснулся "таинственный и благодатный гений" Пушкина [5].

Петербург и Царское Село олицетворяли для Яхонтова идею "гения места", что закладывало в его творчестве глубокие онтологические основания. "Место" изначально освящалось Гением Петра, и это выводило к высокой одической традиции; в не меньшей степени его определял Гений Пушкина, что проявилось, преимущественно, в медитативной лирике.

Обучаясь в лицее, Яхонтов пробовал писать стихи, помещая их, как и другие лицеисты, в "литературном журнале, для домашнего обихода" "Денница" (рукопись альманаха хранилась в имении Камно) [6, с. 109], а также трудился над переводом античных и новейших немецких поэтов: "Меня особенно занимало чтение в подлиннике молодых немецких поэтов: Кернера, Улланда, Маттисона, Рюккерта, не говоря уже о Шиллере и Гете", – вспоминал Яхонтов. "С любовью" он взялся за перевод "последней сцены, в тюрьме, из I-й части "Фауста" и трагедии Лессинга "Эмилия Галотти" [6, с. 112, 115], увидевшей свет много позднее, в антологии "Классические иностранные писатели в русском переводе" (Кн. 3. СПб., тип. О.И. Бакста, 1865), а затем поставленной в Малом и Александринском театрах [7] и, уже после смерти Яхонтова, в Михайловском театре в Петербурге, отведенном "исключительно для переводных пьес" [8]. Как отмечается в новейшем исследовании, в 30-е XIX в. "сложился *новый тип русского читателя*, проявляющего большой интерес к немецкой литературе" [9, с. 21].

Для выпускного экзамена он подготовил "написанный гекзаметрами перевод большого отрывка из "Превращений" Овидия, под заглавием: *Нимфа Каллистоны*", причем перевод "был предварительно исправлен и одобрен профессором Георгиевским", однако не допущен до экзамена как "слишком соблазнительный" [6, с. 123]. В воспоминаниях лицеиста тех же лет, акад. К.С. Веселовского, хотя и в несколько пренебрежительном тоне, литературные опыты Яхонтова все же отмечены особо: "... мы считали своим долгом в память о Пушкине заниматься в IV-м, старшем классе, литературным писательством. Именно это было как бы исполнение долга, так как между нами не только не было ни одного поэта, но даже не было ни одного стихотворца по призванию. Один только А.Н. Яхонтов кропал в стихах небольшие пьески антологического пошиба, в которых по крайней мере были соблюдены требования метрики; он, кажется, потом, после выхода из Лицея, являлся и в печати с небольшими, довольно складными стихотворениями" [10, с. 7].

Петербург – это и начало службы, в которой Яхонтов, как и всюду, был неутомим. В этом смысле образ Петербурга – в представлении человека 40-х годов – корректирует стереотип, обычно пригалаемый к поэтам "второго ряда", как бы находящим оправдание во внешних факторах, помешавших им реализовать себя вполне. Именно так литературную судьбу Яхонтова интер-

претирует "Русский биографический словарь": "Его тянуло к литературе, но семейно-родовые традиции и общественный взгляд того времени на всякого не служащего дворянина, как на ненормальное исключение, заставили его поступиться своими вкусами и облечься в виц-мундир. Однако в течение всей своей последующей жизни на свою служебную деятельность, по крайней мере поскольку она оставалась в стенах департаментских канцелярий [11], он смотрел лишь как на печальную необходимость и все свободное время спешил отдать литературным занятиям" [1, с. 204]. Следует уточнить: не вообще "взгляд того времени", а взгляд именно *петербургский* создал из Яхонтова, "одного из славной дружины русских людей 1840-х годов" [12, с. 692], энергичного деятеля во всех областях общественной жизни, особенно, в сфере народного просвещения (находясь в Пскове, Яхонтов проявил себя как человек *дела* в разного рода гражданских ведомствах и, по преимуществу, в качестве Директора училищ Псковской губернии; в 1870 г. он получил чин действительного статского советника и за "беспорочную службу" не раз награждался грамотами и орденами).

Как бы ни был тягостен Петербург для человека с духовными запросами, принуждая его к постоянной механической деятельности ("вечный стук *суеты суетствий*"), "но привычка деятельности – вещь великая" [2, с. 11], и она побуждала Яхонтова служить буквально до последних дней жизни на выборных должностях и в качестве литератора-просветителя, автора популярных изданий "Народная война 1812 г." (6 изданий, СПб., 1883-1888), "Город Псков и его окрестности" (СПб., 1886), "Путешествие по Северной России" (СПб., 1886) и др.

Публикации переводов и оригинальных стихотворных произведений появлялись в периодических петербургских изданиях, независимо от места нахождения Яхонтова, не только при его жизни, но и после смерти (прежде всего, в "Отечественных записках", "Вестнике Европы", "Современнике", "Русской старине", "Новом Времени"), а также в отдельных выпусках иностранной классики [13]. В 1884 году в Петербурге вышел единственный сборник стихотворений Яхонтова. Умер он в 1890 году.

Петербург как литературная тема представлялся поэту в обобщенно-риторическом облике, из которого извлекались, согласно ситуации, те или иные жанрово-стилевые аспекты. В определенном смысле Яхонтов лучше чувствовал себя, заведомо признавая свою "вторичность" и ученичество: перепевы литературных образцов для него как раз и являлись способом выражения собственного "я" (что достигло наибольшей полноты и зрелости в переводах). В сущности, он всегда "переводил" тот или иной бытующий как культурная реалья текст на язык своих "настроений" и тем самым сохранял верность подлиннику. Вживаясь во всё, Яхонтов оставался самим собой, что пронизательно отметил критик "Вестника Европы" в рецензии на сборник 1884 года: "Поэтическое дарование автора не подлежит никакому сомнению. Вполне самостоятельным оно названо быть не может; произведения г. Яхонтова иногда напоминают г. Майкова... , иногда – г. А. Толстого... , чаще всего – Некрасова [14]. Это не заимствование, не подражание – сходство результатов зависит здесь, по всей вероятности, просто от сходства настроений; но читателем сразу овладевает знакомое чувство, и даже наслаждаясь могучим или звонким стихом, он невольно сравнивает его с другим, весьма похожим и давно известным". Однако, хотя критик отмечает, что подобное "двойное" прочтение "большею частью, оказывается не совсем выгодным для г. Яхонтова" [15, с. 261], сам поэт, по-видимому, вполне удовлетворялся скромной ролью "переводчика"-интерпретатора. И недаром он дважды сопроводил свои переводы одним и тем же послесловием (в 1844 г. - перевод гетевского "Торквато Тоссо", в 1860 г. - трагедии Гете "Ифигения в Тавриде"):

Окончен труд – и жаль расстаться с ним!
Он дух питал чудесной, крепкой пищей;
Богат я был сокровищем чужим,
И – обеднел, и с рубищем своим,
Стучуся в храм поэзии, как нищий!
1857 [16, с. 6].

Закономерно, что Яхонтов не мог позволить вольно обращаться с творчески переусвоенным и как бы заново рожденным текстом постороннему лицу, например, А.А. Краевскому. По рукописям, хранящимся в Псковском музее-заповеднике, историк и краевед Л.А. Творогов опубликовал в районной газете шутивное послание Яхонтова приятелям по Пскову и Петербургу – Ф.Т. Фан-дер-Флиту и А.П. Кожевникову, которое Яхонтов "поднёс" им – "каждому порознь" – вместе с книжкой "Отечественных записок", где был опубликован перевод "Торквата Тассо". Это произошло перед переездом из Петербурга в Псков в 1851 году.

Сыскалась в книгах у меня
Поэма про Торквата-Тасса,
Которую когда-то я
Унес с немецкого Парнаса.[17]
Ну сам ты можешь посудить
О горькой для нее невзгоде
И каково ей стало жить
В моем российском переводе!
Зато уж как же и бледна!
Душа в ней просится из тела,
И, злой чахоткою больна,

Она в печати похудела.
Герой без подвигов, свеча
Искусства и литературы,
Краевский наш в нее сплеча
Воды подбавил из ключа
Животворящего цензуры.
Да напечатав в два столбца
И на бумаге непригожей,
Взамен пристойного лица
Оставил кости ей да кожу!

Стихи, посвященные друзьям и знакомым, вообще наиболее удаются Яхонтову, поскольку, не выпадая из культурного контекста, усиливают личный, неповторимый обертон. Таково, например, послание "Л.Л. Львову" 1850 года. Яхонтов жил тогда в Коломне, и шутивный характер послания, быть может, навеян пушкинским замечанием:

...много вздору
Приходит нам на ум, когда бредем
Одни или с товарищем вдвоем. [18, с.86].

Обращаясь к приятелю, Яхонтов пишет:

Открыл вчера мой ты катакомбы
Во глубине Коломенской страны;
Что пред тобой Веспущии, Коломбы
И Беринги и Куки? – шалуны!

Счастлив еще – благодари судьбину-
Что Ангел твой хранитель не дремал:
Ты без вести в потемках бы пропал,
Подобно в льдах затертому Франклину.
1850. [19]

Вместе с тем, Яхонтов отдал дань и "одическому" Петербургу, от которого, по замечанию А.Н. Архангельского, не отделим "образ Всадника" [20, с. 152]. В этом смысле не вполне подтверждается наблюдение В.Н. Топорова относительно того, что "петербургская одопись XVIII века, в тех или иных формах проникающая и в XIX век", захватила в нем лишь "три первых десятилетия" [21, с. 261]. Стихотворение Яхонтова "Памятнику Петра Первого" написано в 1848 году и безусловно принадлежит к той части "Петербургского текста", которая относится, по классификации исследователя, к однотоному, "светлому" Петербургу [21, с. 335]. Одическая традиция романтизируется и закрепляется, снимая отмеченную В.Н. Топоровым антидетичность природы и культуры [21, с. 289]. В позднейший романтический регистр переведен державинский образ "света", сотворенного из "тьмы", соединившего небо и землю, историю, быт и истину в высшей точке созерцания [22, с. 88-95]. Традиционное начало: "О ты, который..." соотносит текст с другими, где встречаются аналогичные риторические обороты: у Ломоносова ("О вы, которых ожидает..."), позднее у А.С. Кайсарова ("О ты, которого так много я любил..."), Н.М. Карамзина ("О ты, которая была...") и т.п.

О ты, который с неземною
 Печатью славы на челе,
 С простертой мощно над Невою
 Самодержавною рукою,
 Летишь, прикованный к земле, –
 Снимись с скалы нерукотворной,
 Великой тенью воспарил
 Над величавою, просторной
 Твоей Россией, – и смотри:
 Над всей полуночной страной
 Державно царствует она;
 Широкой лентой голубою
 Ее глава окружена; [23]
 Как жар, над сушей и водами,
 На храме, рядом с облаками
 Блестит крест ее златой
 И краше нет под небесами
 Твоей столицы молодой! [24]
 Здесь – тайна, диво мирозданья –
 Гиперборейское сиянье
 Горит, как отблеск дел твоих,
 На небесах твоих ночных.
 А там – свой бег остановила
 Волна полуденных морей,
 К стопам царицы подступила,
 Чтоб развеялися ветрила
 Ее крылатых кораблей;

Ей небо шлет лучи привета,
 А полумесяц Магомета
 Лежит в подножии у ней.
 Ничто величья не смущает
 Ее торжественной красы:
 Одной рукою гром сжимает
 И держит Запада весы,
 Другой – пушистые, седые
 Меха на Севере берет,
 Пыгает горы золотые,
 С сынами солнца торг ведет.
 На раменах ее могучих,
 Средь зеленеющих равнин
 И в глубине лесов дремучих
 И лях покоится и финн.
 А там вокруг нее большая
 Сошлась славянская семья
 Чего-то будто ожидая
 От всемогущества ея.
 Один Кавказ, нахмутив брови,
 Засел в ущелье гор крутых
 И не жалеет буйной крови
 Своих мюридов удалых.
 Но рано ль, поздно ль – неизбежный
 Постигнет и его удел.
 И на его вершине снежной
 Расширит крылья наш орел. [25]

Иносказательность и дидактизм равно присущи одическим и сатирическим произведениям Яхонтова, затрагивающим петербургскую тему [26]. В стихотворении "Зима" (1849) ощутимо присутствие не только Пушкина ("Медный всадник", "Евгений Онегин", лирика), но и Ломоносова, что производит в целом типичный для Яхонтова союз консервативных и демократических начал: порядок вещей, санкционированный государственностью, призван регулировать стихию индивидуальных волей, утверждая идею национального самостояния. "Одическое прославление покоренной природы - образ затянутой в гранит и увенчанной мостами Невы" [27, с. 17] от "Медного всадника" движется к классицистическому мотиву "послушности" водных пространств надличной воле, преобразующей их в могучую гармонизирующую силу (ср. у Ломоносова: "Да движутся светила стройно / В предписанных тебе кругах, / И реки да текут спокойно / В Тебе послушных берегах..."; "В моей послушности кружатся / Там Лена, Обь и Енисей...") [23, с. 93,98]). Наваянная Пушкиным картина бушующей Невы одновременно получает ломоносовский субстанциональный смысл – восставшие против России силы должны неизбежно покориться "Гению севера":

Дремала долго на просторе
 Широководная Нева.
 Но вот – ей мысль внушило море:
 Вступить в старинные права.
 Напомнить о поре забытой,
 Когда, окрестность наводнив,
 Самодержавно и сердито

Она катилась, как залив,
 Когда болота попирала
 Лишь финна слабая нога
 И буря только посещала
 Его отчизны берега.
 Но вот – Нева, кипя волнами,
 Взыграла! Дышит тяжело

И мчится вровень с берегами,
Черна, как ворона крыло.
Валы ея, громадой гор,
Родному с Севера теченью,
Шумя идут наперекор.
Не страшны грозному приливы,
Ни мрак небес, ни пушек гул,
Неукротим ея разгул,
Закона нет ея порыву!
Взвился сердито конь Петров,
Дивятся ей дворцы и зданья,
И отступили в содроганьи
На шаг от низких берегов.
Еще минута – и подкосит
Она незыблемый гранит

И рать свою чрез груды плит
С зловещим плеском перебросит,
Ворвется в зданья потом
Всеразрушительною лавой
И дальше, с диким торжеством,
Помчится, зверь тысячеглавый.
Но дух полуденных степей,
Но Гений севера не дремлет:
От ледяных своих морей
Морозный вихорь он подьмлет;
Глядит сурово, и вперед
Несется сам на серой туче,
И вот, за ним, стеной могучей
Младая армия идет! [28]

Аллегоризм стихотворения усилен образом "желанной весны", утверждающим жизнелюбие зимнего "оцепенения". "Зимой весна золотая", дающая жизнь "замерзлым водам", – это вновь ломоносовский мотив, связанный с идеалом счастливого гражданского бытия (у Ломоносова он также олицетворен "очищенным" и обновленным течением Невы [29]).

В то же время предметность реального мира вносится Яхонтовым в "готовый" поэтический стиль, материализуя идею соединения двух веков, предания ("святыни памяти моей") и переживаний настоящей минуты:

Меж тем, по льдам уснувшей влаги,
Вдоль нашей Царственной реки,
Толпятся люди, вьются флаги,
Бегут лихие рысаки.
Светло, морозно Воскресенье
И дым из труб – до облаков!
И гул народного движенья
С гранитных слышен берегов [28].

Слияние "старинности" с текущей современностью – та призма, сквозь которую поэт созерцает себя и мир, претворяя многообразное единство и в мемуарной прозе, и в поэме "Горькая ошибка", и в лирической поэзии, к примеру, в изящных "петергофских" зарисовках:

Там под вечер трубят уланы,
От жару дремлет тихий пруд,
Дубы Петровские растут
И брызжут свежие фонтаны.
(«В-ву», август 1851) [30]

В печатном варианте Яхонтов "умалчивает" собственное, не подкрепленное "поэтизмами" видение предметов – картина обретает нейтрально-стилистический облик:

Там, под вечер, трубят уланы,
Там – вековые великаны –
Дубы под сень свою манят... [31, с. 32]

Начало Крымской войны вновь побуждает Яхонтова обратиться к одической традиции, которая уже прочно скреплена в его поэзии с образом Петербурга, как в патриотическом стихотворении "Русским в 1854 году" [30, л. 90-94].

На другом полюсе романтической антитезы – нечто, подобное идиллическому приюту, соизмеренному с пушкинским представлением о прибежище "маленького человека" в "Медном всаднике", окрашенным к тому же пафосом, близким "натуральной школе" (о том, что Яхонтов не остался чуждым и ей, свидетельствуют неопубликованное до сих пор "Послание Новому поэту Современника" [32], а также "Фаталист" и некоторые другие сочинения, где герой вечно терзаем ощущением своего уничтожения в столичном городе, по контрасту с мечтой, уносящей его в неопределенную область идеального бытия). В таком "настроении" поэт пребывал накануне переезда в Псков, что отметил Л.А. Творогов, публикуя элегию "Туда! Туда!":

Куда-нибудь, но только прочь
От Северной Пальмиры этой,
Где ночь небес сменяет ночь
Души, участием не согретой;
Где небо, даже и весной,
Печально, холодно и скупое,
Где льется жизнь так пусто, глупо,
Полна до края суетой. . .

(1850) [33]

С еще большей романтической экзальтацией сходное состояние души представлено в стихотворении "Эгоизм" 1851 года:

Беги же в степь, или в дремучий лес,
Куда-нибудь, под вольный кров небес.
Иль с берега, с шумящим вечно морем
Делись своим невысказанным горем! [34]

В то же время в шутовском мадригальном послании "Л.Н. Еропкиной" – знакомой Яхонтова, которая собиралась, как и он, покинуть Петербург в 1851 году, авторское "я" срастается с амплуа столичного жителя, непринужденно оперируя традиционной топикой, вошедшей в культурный обиход:

Как в добром сердце вашем мог
Родиться умысел зловерный?
Что сделал вам (свидетель – Бог!)
Наш *город пышный*, север бедный?
Средь вьюг и холода, зимой,
Над нашей пасмурной столицей,
Где скупое светит луч дневной,
Взошли вы розовой денницей,
И мы не верили глазам.

1851 [35]

В данном случае средствами "легкого" жанра и сгущением "общих мест" Яхонтову удастся вписаться в "Петербургский текст" самой тенденцией пересекать движение в бытовом времени (горизонталь – предполагаемый отъезд адресата) вертикалью, "устремленностью *вверх* (к небу, к солнцу)": "наступает эйфорическое состояние (и, как правило, мгновенно, в отличие от депрессии) *новая жизнь*" [21, с. 289]. Вектор петербургской темы (от "тьмы" – к "свету") сливается с развитием условного сюжета дружеского послания и выражением подлинного чувства:

Мы – люди темные – с суровой
Давно сроднились судьбой,
Судите ж, как отрадно, ново
Нам утешать себя мечтой,
Что мы разжалобили Феба,
Что наша ясная звезда
Не скатится с лазури неба

И не исчезнет без следа,
Но, разгоняя мглу густую,
И блеск свой розовый храня,
Из *мрака* выведет златую
Зарю прекраснейшего дня.
1851. Петербург. [35]

Особого изучения заслуживают и сатира Яхонтова, питаемая некрасовской традицией, а также своеобразие его гражданской риторики, которая оказалась созвучной поэзии народников. В исследовании нуждаются тематические аспекты: "Яхонтов и Некрасов", "Яхонтов и Тургенев", "Яхонтов и П.А. Плетнев", "Яхонтов и М.А. Назимов". Необходимо вдуматься и в то, что в некрологе поэта М.И. Семевский определяет Яхонтова как "питомца Царскосельского лицея" – не случайно первый раздел сборника 1884 года открывается стихотворением "Genio Loci" с эпиграфом из "19 октября" 1825 года и примечанием автора: "Надпись на памятнике, в ограде прежнего, Царскосельского Лицея" [31, с. 7]. Петербургом был задан угол зрения на всю последующую жизнь и определены ее духовные приоритеты. Это дало основание Л.А. Творогову в неопубликованных и не учтенных пока заметках утверждать, что Яхонтов "на передовой путь встал 19-летним, сразу после окончания Лицея".

Литература

1. Русский биографический словарь. Т. 25. СПб., 1913.
2. Герцен А.И. Полн. собр. соч. и писем / Под ред. М.К. Лемке. Пг., 1915. Т.Ш.
3. Белинский В.Г. Собр. соч.: В 9 т. М., 1981. Т.7.
4. Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч. Т.Ш. Пг., 1918.
5. По семейному преданию, Яхонтов впервые увидел Пушкина ребенком в своем псковском имении Камно, когда его родителей посетил ссыльный поэт. Как отмечает внучка А.Н. Яхонтова, А.Н. Высоцкая-Яхонтова, "...Пушкин долго гулял с Н.А. Яхонтовым в саду по той самой аллее, дорожка которой сохраняется и по сей день. Потом они сидели ... в беседке. К ним подбежал маленький Саша... Пушкин подхватил его на руки и шутливо спросил, кем он хочет быть. Саша ответил "поэтом". И еще он прочитал удивленному поэту его, пушкинское стихотворение" (Яхонтова-Высоцкая А.Н. Сквозь даль времен // Молодой ленинец. 1964. 16 мая). По другим данным, шестилетний Яхонтов читал Пушкину отрывок из "Евгения Онегина".
6. Яхонтов А.Н. Воспоминания царскосельского лицеиста. 1832-1838 // Русская старина. 1888. Т. 60, октябрь.
7. Как отмечает Н.В. Гербель, "Эмилия Галотти" "была поставлена на московской сцене, где давалась в течение двух лет с успехом. Что же касается петербургской сцены, то пьеса была поставлена на ней до того небрежно и разыграна до того неудовлетворительно, что выдержала всего только три представления, после чего была сдана в архив, чтобы, конечно, уже не появляться более на сцене Александринского театра" (Гербель Н.В. Русские поэты в биографиях и образцах. Изд. 3-е, испр. и доп. / Под ред. и с предисл. П. Полевого. СПб., 1888. С. 434-435).
8. Как сообщал "Ежегодник Императорского театра. Сезон 1896-1897 гг." (СПб., 1898. С. 121): "Для открытия спектаклей в Михайловском театре поставлена была в первый раз по возобновлении трагедия в 5-ти действиях Лессинга "Эмилия Галотти", в переводе А.Н. Яхонтова".
9. Ильченко Н.М. "И с неразгаданным волненьем свою Германию пою...": Рецепция Германии в русской романтической прозе 30-х годов XIX века. Монография. М.; Нижний Новгород, 2001.
10. Веселовский К. Воспоминания о Царскосельском лицее. 1832-1838 // Русская старина. 1900. Т. 104, октябрь.
11. В Петербурге Яхонтов, выпущенный из Лицея с чином титулярного советника, был определен в первый Департамент государственных имуществ, а в 1842 г. переведен в Департамент железных дорог, где впоследствии служил "переводчиком" и получил чин надворного советника (Формулярный список о службе Яхонтова Александра Николаевича. 1890. // РО ИРЛИ РАН. Ф. 265. Оп. 2. № 32 38).
12. Русская старина. 1890. Т. 68, декабрь.

13. См.: Русский биографический словарь. Т. 25. СПб., 1913. С.203-206; Смирнов-Сокольский Ник. Русские литературные альманахи и сборники XVIII-XIX вв. М., 1965.

14. В ряд тех, с кем поэтически сближался Яхонтов, можно включить также Пушкина, Баратынского, Лермонтова, Бенедиктова, Фета, Тютчева и других.

15. Вестник Европы. 1884. Т. 3, май.

16. Светоч. 1860. Пб. Кн. VI.

17. Ситуацию проясняет комментарий Л.А. Творогова к первой публикации данного стихотворения: "В 1842 году А.Н. Яхонтов, путешествуя за границей, приобрел в Германии, в городе Веймаре, ряд изданий с произведениями немецких поэтов. Несколько стихотворений Гете и Шиллера он перевел тогда же на австрийском курорте Ишле. Вернувшись осенью того же года в Петербург, А.Н. Яхонтов перевел из привезенных им немецких книг "Оправдание поэта" Гете и приступил к переводу его трагедии "Торквато Тассо" (Ленинская искра. 1964. 14 июня).

18. Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 16 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937-1949. Т. V.

19. Светлый путь. 1967. 30 сентября.

20. Пушкин. Школьный энциклопедический словарь/ Под ред. В.И. Коровина. М., 1999.

21. Топоров В.Н. Петербург и "Петербургский текст русской литературы": Введение в тему // Его же. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического. Избранное. М., 1995.

22. Серман И.З. Русский классицизм: Поэзия. Драма. Сатира. Л., 1973.

23. Ср. у Ломоносова:

В стенах Петровых протекает
Полна веселья там Нева,
Венцом, порфиною блистает,
Покрыта лаврами глава.

(Ода на день восшествия на престол Ея Величества Государыни Императрицы Елисаветы Петровны 1748 года // Ломоносов М.В. Сочинения. М., 1987. С. 99).

24. У Ломоносова:

... Коль ныне радостна Россия!
Она, коснувшись облаков,
Конца не зрит своей державы...

(Там же. С. 97).

25. Псковская правда. 1965. 12 октября.

26. В раздел "Сатирических очерков" сборника 1884 года включено, например, стихотворение "Окно в Европу" с эпиграфом из "Медного всадника".

27. Архангельский А.Н. Стихотворная повесть А.С. Пушкина "Медный Всадник". М., 1990.

28. Светлый путь. 1966. 25 сентября.

29. О чистый Невский ток и ясный,
Счастливейший всех вод земных!

(Ода на прибытие Ея Величества великия Государыни Императрицы Елисаветы Петровны из Москвы в Санктпетербург 1742 года по коронации // Ломоносов М.В. Сочинения... С. 38).

30. ПГОИАХМЗ. Древлехранилище. № 881, ф. Яхонтова, о.ф. 16333 (11). Тетр. 1, л. 64-65.

31. Яхонтов А.Н. Стихотворения Александра Яхонтова. СПб., 1884. Примечательно, что "стилистическому сглаживанию" подвергал свои ранние стихотворения и В.Г. Бенедиктов, подготавливая трехтомное издание 1856 г. (Русские писатели. 1800-1917. Биографический словарь. Т. 1. М., 1989. С. 236).

32. ПГОИАХМЗ. Древлехранилище. № 881, ф. Яхонтова, о.ф. 16333 (11). Тетр. 3. Нумерация листов отсутствует.

33. Ленинская искра. 1966. 25 февраля.

34. Псковская правда. 1968. 17 марта.

35. Светлый путь. 1967. 30 ноября.